

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:
на годъ (50 №№) . . . 20 франковъ
» 3 мѣсяца 6 »
» 1 мѣсяцъ (4 №№) 2 »

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Отдѣльные нумера продаются
по 50 сантим. въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève.
Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просить обращаться по тому же адресу.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

Prix du numéro: 50 centimes.

ВТОРНИКЪ

10 января 1882
29 декабря 1881

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Признаки и перфшительность земской оппозиціи. — 2) Нравственность и мужество въ обвиненіяхъ въ шпіонствѣ. М. Драгоманова. — 3) Отъ редакціи. — 4) Изъ Бѣлграда (Корресп. «Вольнаго Слова») В—ча. — 5) Соціальный вопросъ въ Черногоріи. — 6) Литературно-политическія замѣтки. I. Новыя русскія статьи по польскому вопросу. (Окончаніе). М. Драгоманова. — 7) «Русь» г. Аксакова о «Вольномъ Словѣ». — 8) Хроника рабочаго движенія. I. Франція, II. Австро-Венгрія, III. Испанія.

ЖЕНЕВА, 10 января, 1882 г.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, истекшихъ послѣ написанія статьи въ прошломъ № «Вольнаго Слова»: «Новыя заявленія о необходимости общаго земскаго собора въ Россіи», русскія газеты принесли намъ извѣстіе еще о новыхъ земскихъ собраніяхъ, которыя болѣе или мѣнѣе ясно высказались въ пользу созыва представителей всѣхъ земствъ или по крайней мѣрѣ въ пользу выбора «свѣдущихъ» людей самими земствами. Въ такомъ смыслѣ высказались въ послѣднее время губернскія земства: херсонское, новгородское, псковское, полтавское, смоленское и казанское. Изъ нихъ новгородское земство сдѣлало и постановленіе, чтобъ предсѣдатель и члены управы не принимали приглашенія въ комиссію г. Каханова безъ уполномочія земства.

Интересны обстоятельства, сопровождавшія опредѣленіе земства полтавскаго. Еще въ началѣ прошлаго октября въ очередномъ губернскомъ земскомъ собраніи въ Полтавѣ предсѣдатель его, губ. предводитель дворянства г. Устимовичъ, заявилъ по поводу рѣчи мѣстнаго губернатора, что надѣется раскрытія широкой дороги для дѣятельности земства, — и что «изъ личныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ во время недавняго пребыванія въ Петербургѣ и изъ бесѣдъ его

съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гр. Игнатьевымъ, онъ приходитъ къ заключенію, что правительство ждетъ только достаточно основательнаго повода, чтобъ допустить само населеніе къ дѣятельному участию въ стоящихъ на очереди широкихъ экономическихъ реформахъ». (Трудъ, 1881, № 96).

Но замѣчательно, что даже это сообщеніе кievской газеты, — не опровергнутое никѣмъ, — не было однакожъ перепечатано другими изданіями, — (гр. Игнатьевъ очевидно просто проболтался на единѣ съ г. Устимовичемъ, приобрѣвшемъ репутацію либеральнаго предводителя дворянства, и воображая, что имѣетъ дѣло съ туркомъ или персомъ, никакъ не ожидая, что его болтовня перейдетъ въ газету). За тѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ правительство гр. Игнатьева ничѣмъ не обнаружило желанія «допустить накопецъ само населеніе къ дѣятельному участию въ стоящихъ на очереди широкихъ экономическихъ реформахъ». Все, должно быть ждетъ «достаточно основательнаго повода», — хотя, казалось бы, для самодержавнаго правительства нечего ждать другого повода, какъ собственное желаніе, еслибъ оно у него было.

Теперь заявленія столькихъ земствъ, должны бы быть признаны за поводъ довольно «достаточный» для правительства благомыслящаго и искренняго. Но въ томъ то и дѣло, что теперешнее правительство русское вовсе не таково. Судя по изложенію въ той же кievской газетѣ о засѣданіи 15 декабря экстреннаго полтавскаго губернскаго земскаго собранія, можно видѣть, что и самъ предсѣдатель этого собранія успѣлъ за послѣдніе три мѣсяца разочароваться въ своихъ оптимистическихъ надеждахъ. По крайней мѣрѣ, когда гласный, проф. Лучицкій предложилъ обратиться къ правительству съ ходатайствомъ, чтобъ въ комиссію г. Каха-

нова были приглашены «дѣйствительно свѣдущіе люди, выбранные отъ земствъ», — то г. Устимовичъ призналъ неудобнымъ ставить на обсужденіе вопросъ въ такой общей формѣ, такъ какъ она выходитъ изъ сферы мѣстныхъ интересовъ и нуждъ и предложилъ его въ иной формѣ, съ которою согласился и г. Лучицкій и большинство собранія, — а именно: «ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы при обсужденіи вопроса о реорганизаціи мѣстныхъ учреждений, комиссіею былъ бы выслушанъ представитель отъ полтавскаго земства».

Безспорно, ходатайство въ такой формѣ ближе къ буквѣ «положенія о земствѣ» и поставило бы правительство въ невозможность отвѣтить на ходатайство, что — моль оно выходитъ изъ законной сферы дѣйствія земскихъ учреждений, мѣстныхъ. И если бъ всѣ земства принимали рѣшенія въ такомъ родѣ, то изъ совокупности ихъ ходатайствъ вышло бы въ концѣ концовъ ходатайство объ общемъ земскомъ соборѣ. Но именно поэтому подобная постановка вопроса и есть ничто иное, какъ благонамѣренный юридическій крючекъ, къ которому никто не станетъ прибѣгать, имѣя дѣло съ правительствомъ искреннимъ. Правительство же неискреннее всегда найдетъ свой крючекъ, чтобъ увернуться отъ исполненія непріятнаго ему ходатайства, или же, по столько разъ повторившимся примѣрамъ императорскаго правительства въ Россіи, совсѣмъ не отвѣтитъ на земское ходатайство, самымъ легальнымъ способомъ редижированное.

Земствамъ Россіи ничего не остается, какъ поступить въ своемъ родѣ по наполеоновской фразѣ: sortir de la légalité pour entrer dans le droit (выйти изъ законности, чтобъ вступить въ право) и поставить дружно, вопросъ о созваніи земскаго собора безъ всякихъ обиняковъ и вовсе не въ видѣ постановки выборныхъ свѣдущихъ людей въ

рыя они не платили прежде, но и ренту, которую они никогда не признавали. *)

Итак, черногорский народ дѣлится теперь на два класса, во всемъ рѣзко отличающіеся одинъ отъ другого и съ интересами прямо противоположными. Верхній — въ одно время придворные и чиновники, крупные землевладельцы и мелкие торгаши, вышедшіе изъ народа кулаки и мірѣды; нижній — это весь остальной народъ, въ одно время воины и рабочіе, герои и мученики.

Трагична судьба народа, который послѣ пятилѣтней непрестанной борьбы съ жестокимъ врагомъ и съ еще болѣе неумолимой природой страны своей, послѣ высшаго напряженія силъ, и совершенія подвиговъ славнѣйшихъ въ исторіи очутился поработленнымъ политически и экономически закабаленнымъ....

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

I.

Новыя русскія статьи по польскому вопросу.

(Окончаніе).

Работа г. Спасовича имѣетъ, конечно, болѣе всѣхъ, чѣмъ «Письмо» г. Н. С. Мы разумѣемъ сочиненіе г. Спасовича «Маркизъ А. Вѣлепольскій, его жизнь и политика въ польскорусскомъ конфликтѣ и вопросѣ», начатое еще въ ноябрѣ 1880 г. и оконченное только въ декабрѣ 1881 г. въ «Вѣстникѣ Европы». Г. Спасовичъ занимаетъ въ литературѣ особое положеніе: онъ полякъ, но по своимъ работамъ принадлежитъ столько же русской, сколько и польской литературѣ, и имѣетъ полное право говорить, какъ это онъ сказалъ въ концѣ статей о М. Вѣлепольскомъ.

«Я протестую противъ «Московскихъ Вѣдомостей», назвавшихъ мой трудъ служеніемъ одному польскому дѣлу. Въ такой же степени можно бы сказать, что я старался служить и русскому дѣлу; точка зрѣнія у меня была общая обѣимъ націямъ».

Въ петербургской журналистикѣ наплывъ голоса, которые поставили и эти слова въ упрекъ г. Спасовичу, толкуя ихъ такъ, что будто бы г. Спасовичъ служить «и нашимъ, и вашимъ», и въ тоже время, называя его «валероидомъ» и тутъ же заявляя, что настоящіе поляки сами не уважаютъ двуличности г. Спасовича. Но всякій, способный возвыситься до общечеловѣческихъ идей, безъ которыхъ теперь не лѣзя братья за разрѣшеніе ни одного политическаго вопроса, — только пожелаетъ, чтобъ повсюду было по больше людей, способныхъ служить «и нашимъ, и вашимъ» — конечно, не въ личныхъ цѣляхъ, — т. е., служить въ одно время двумъ и даже тремъ, — десятимъ, если можно, народамъ, — и если бы на Востокѣ Европы было по больше людей, которые бы могли быть такъ-же у себя дома въ двухъ, трехъ и болѣе литературахъ, и обществахъ, какъ дома г. Спасовичъ въ литературахъ польской и русской, то дѣла

разныхъ народовъ только бы отъ того выиграли.

Съ своей стороны, если мы что имѣемъ замѣтить противъ Януса г. Спасовича, — такъ не столько то, что польская голова его гораздо больше, чѣмъ русская, или по крайней мѣрѣ чѣмъ не польская, сколько то, что польская голова его больше эмпирическая, чѣмъ теоретическая и спекулятивная, отчего голова эта смотреть не туда, куда бы нужно было.

По нашему мнѣнію, г. Спасовичъ не совсемъ имѣлъ право написать въ самомъ концѣ своей работы, — что «точка зрѣнія у него была объективная и не исключительно-национальная, а, на сколько онъ могъ, общечеловѣческая». Точка зрѣнія у него была все таки «исключительно-национальная», — хотя, положимъ, и не исключительно польская, а польско-русская, по все таки государственно-национальная, такъ какъ онъ все таки во всемъ обсуждаемомъ имъ «конфликтѣ» и «вопросѣ» не видитъ другихъ націй, кромѣ націй польской и русской, и другихъ политическихъ элементовъ, кромѣ государствъ, польскаго и русскаго. Г. Спасовичъ теперь соглашается на извѣстное подчиненіе государства польскаго — русскому, очевидно признавая за рациональную систему Вѣлепольскаго, отказавшагося отъ польскаго сепаратизма, и требовавшего только автономіи Конгрессувы, но все таки мало отклоняется отъ сущности идей старыхъ польскихъ патріотовъ. А это все вмѣстѣ взятое отнимаетъ у г. Спасовича лично возможность сыграть дѣйствительно новую роль въ «русско-польскомъ конфликтѣ», роль, на которую онъ, по крайней мѣрѣ по таланту своему, имѣлъ бы право, — и, еще вѣрнѣе, отнимаетъ у программы, или у партій, которыхъ г. Спасовичъ можетъ считаться выразителемъ, большую долю прочности и надежды на успѣхъ, даже временный.

Для г. Спасовича въ «польско-русскомъ конфликтѣ» не существуетъ націй негосударственныхъ. Опъ, правда, въ настоящей статьѣ не говоритъ о т. наз. западныхъ губерніяхъ, а только о Конгрессувѣ, по эту послѣднюю, очевидно, считаетъ за нечто органическое, за специменъ польскаго государства и не признаетъ здѣсь никакихъ націй, кромѣ польской. Есть въ статьѣ г. Спасовича очень характерное мѣсто по этой части, которое мы и выпишемъ цѣликомъ:

«Я не буду опровергать совершенно непрактичную мысль Милютинна объ искусственномъ насажденіи, средствами правительства, отдѣльныхъ училищъ для инородческихъ стихій: нѣмецкихъ и еврейскихъ. Къ счастью, эта часть системы Милютинна не была приведена въ исполненіе министерствомъ гр. Толстого и совершенно резонно. Есть пословица: «Travailler pour le roi de Prusse», она шла бы здѣсь прямо къ дѣлу, она была бы повтореніемъ Стадіоновской политики въ Галичинѣ по отношенію къ русинамъ, политики, которая оказалась ошибочною съ точки зрѣнія цѣлости и безопасности Австро-Венгерской монархіи. По нашему мнѣнію, свобода преподаванія требуетъ разрѣшать всякую національности въ государствѣ заводить на свои средства свои національныя

школы подъ контролемъ государства и съ включеніемъ въ преподаваніе государственнаго языка, какъ необходимаго предмета образованія, но воспитывать національныя разновидности на казенныя средства не можетъ лежать въ задачахъ политики какого бы то ни было правительства». (В. Евр. 1881, июнь, 714—715).

Въ словахъ этихъ, въ которыхъ изъ за историка выглядываетъ политикъ, — (теоретикъ и практикъ въ мѣстѣ) бросается въ глаза вся странность и, — позволимъ себѣ сказать, отсталость, — понятія о государствѣ, какъ о чемъ то, по принципу, отдѣльномъ отъ населенія и даже высшемъ надъ нимъ. Что это такое за «средства правительства», «казенныя средства», на которыя-де «не лѣзя воспитывать національныя разновидности, инородческие стихіи?» Что это наконецъ за «ино- и не инородческие стихіи?» Казенныя деньги — есть деньги, получаемыя отъ всѣхъ стихій населенія извѣстной страны, — а потому и должны употребляться для удовлетворенія нуждъ всѣхъ ихъ. Что это за «интересъ цѣлости и безопасности Австро-Венгерской монархіи», который долженъ быть поставленъ выше интересовъ населенія ея, напр. населенія русиновъ въ Галичинѣ?

Въ объясненіе соответственныхъ словъ г. Спасовича мы должны напомнить читателямъ, что гр. Стадіонъ былъ тотъ намѣстникъ Галичинъ, который въ 1848 г. убѣдилъ вѣнское правительство не только уничтожить барщину въ этой провинціи, но и признать въ ней «русиновъ» за націю отдѣльную отъ поляковъ и признать за ними всѣ тѣ права въ образованіи и въ общественной жизни, какія признавались до тѣхъ поръ только за поляками. Въ свое время (да и теперь) польскіе централисты внушали австрійскому правительству, что это «позорѣніе русиновъ» ведетъ прямо къ отпаденію Восточной Галичинъ къ Россіи. Теперь тоже самое повторяетъ г. Спасовичъ. Между тѣмъ, прежде всего, самое положеніе это не вѣрно: галичане въ массѣ не только не обнаруживали желанія отдѣлиться отъ Австріи, но даже привлекали къ себѣ нравственные интересы украинцевъ изъ Россіи, по крайней мѣрѣ литераторовъ, труды которыхъ печатаются въ Галичинѣ въ то время, когда этого нельзя дѣлать въ Россіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если бы панско-польская реакція не взяла верхъ въ Австріи, а если бы вмѣсто того Стадіоновская политика была логически продолжаема въ Галичинѣ и, конечно, развиваема, сообразно росту условій времени, т. е., когда бы во всей Галичинѣ было сколько нибудь радикально разрѣшенъ аграрный вопросъ и когда бы теперешняя искусственная административная комбинація, провинція «королевство Галичинъ-Владимірія съ великимъ княжествомъ Краковскимъ», была раздѣлена на двѣ части: польскую (столица Краковъ) и русинскую (столица Львовъ) съ двумя сеймами, — тогда не только цѣлость австрійскаго государственнаго союза потерпѣла бы еще меньше, чѣмъ теперь, когда все таки въ Галичинѣ есть хотя единицы, которые желаютъ присоединенія къ Россіи (есть, — не со временъ гр. Стадіона, а со временъ колонизатора гр. Голуховскаго) — но напротивъ того русинопольскія отношенія при-

*) Впрочемъ, то и другое проводится съ ловкой постепенностью и подъ предлогомъ государственныхъ нуждъ, вытекающихъ изъ освободительной войны.

няли бы нормальной характер и Краковъ оказывалъ бы притягательное вліяніе на чистую Польшу въ Россіи, а Львовъ гораздо сильнѣе притягивалъ бы и руссійскую Украину. Примеръ Венеціи, которая рвалась отъ Австріи къ «конституціонному государству Виктора Эммануила», — и Тессинскаго кантона, который и не думаетъ отдѣляться отъ Швейцаріи — самымъ нагляднымъ образомъ доказываетъ всю невѣрность мнѣнія г. Спасовича, будто признаніе правъ какого бы то ни было населенія непременно опасно для цѣлости государства, — не говоря уже о томъ, что хоть бы г. Спасовичъ и былъ правъ, такъ все таки изъ того бы не слѣдовало, что интересы какого бы то ни было живаго населенія можно бы было приносить въ жертву Молоху цѣлости государства.

Намъ очень странно, какъ г. Спасовичъ не замѣтилъ того, что, написавъ слова свои о политикѣ гр. Стадіона, онъ прямо сыгралъ въ карманъ своихъ противниковъ, обрусителей. Неужели г. Спасовичъ не помнитъ отвѣта кн. Черкаскаго, сказаннаго во время славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 г., на предложеніе Ригера признать права польской національности въ Россіи: «пусть поляки начнутъ съ признанія правъ русиновъ въ Галиціи»? Неужели г. Спасовичъ не замѣчаетъ, что вся его теорія отношеній государства къ инноплеменникамъ есть ничто иное, какъ теорія г. Каткова? На основаніи той же теоріи, г. Катковъ отрицаетъ права поляковъ, какъ «инноплеменниковъ» въ государствѣ, которое онъ называетъ русскимъ, но крайней мѣрѣ по такому же праву, по какому праву г. Спасовичъ считаетъ Конгрессовку государствомъ польскимъ.

Впрочемъ, даже изъ выписанныхъ словъ видно, что г. Спасовичъ похваливаетъ катковского приказника въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, гр. Толстого за то, что тотъ не привелъ въ исполненіе составленнаго Н. Милютинимъ закона о народномъ образованіи въ Конгрессовкѣ. Похвала эта двойной странна у г. Спасовича. Уже какъ юристъ, г. Спасовичъ не долженъ бы былъ хвалить гр. Толстого, который административнымъ порядкомъ отмѣнилъ силу закона, — и при томъ закона, который, если не ошибаемся, былъ съ похвалою цитированъ и самымъ г. Спасовичемъ. Законъ этотъ содержитъ въ себѣ прекрасное заявленіе, что русское правительство «не позволить ни себѣ, ни кому другому дѣлать изъ школы орудіе политики». На основаніи этого принципа, законъ этотъ признаетъ польскій языкъ въ школахъ мѣстностей съ польскимъ населеніемъ. Правда, что онъ признаетъ тѣ же права и за языками другихъ населеній Конгрессовки: нѣмцевъ (и евреевъ нѣмецкаго языка), литовцевъ, русиновъ. Г. Спасовичъ говоритъ почему то только о нѣмцахъ и евреяхъ, — но ясно, что ему не нравится весь принципъ равноправности языковъ всѣхъ населеній извѣстной государственной единицы, не правится уравниленіе правъ «національныхъ разновидностей» съ поляками на столько, что онъ предпочитаетъ «обрусеніе» гр. Толстого этому уравниенію. Не потому ли, что эта система беспомощна противъ поляковъ, а литвинамъ и

украинцамъ, не дала подняться на ноги*).

Мы готовы трижды извиниться передъ г. Спасовичемъ, если онъ скажетъ намъ, что мы произвольно расширили его мысль, хотя намъ кажется, что, взявъ во вниманіе его общую теорію о государствѣ и «національныхъ разновидностяхъ» и отзывъ о системѣ гр. Стадіона, мы и имѣли право на такое расширеніе.

Является вопросъ: къ лицу ли полякамъ въ Россіи такая «государственная» теорія и такіе отзывы? Не говоря уже о дѣйствительно «общечеловѣческой» справедливости, — не практичнѣе ли полякамъ въ Россіи стать на точку зрѣнія именно равноправности всѣхъ «національныхъ разновидностей», да и добиваться признанія правъ своей разновидности и автономіи ея, — конечно, въ ея масовыхъ этнографическихъ границахъ, а не добиваться возстановленія совершенно искусственныхъ государственныхъ комбинацій, одною изъ которыхъ была комбинація м. Вѣлѣпольскаго? Г. Спасовичъ очень не доволенъ комбинаціей Н. Милютинна и имѣетъ къ тому много вѣрныхъ основаній, хотя и желательно было бы, чтобы къ аграрной сторонѣ этой комбинаціи онъ отнесся съ большимъ сочувствіемъ. Но вѣдь и комбинація м. Вѣлѣпольскаго тоже не годится въ цѣломъ своемъ видѣ для нашего времени. На нее не согласится не только русское правительство, но, гораздо болѣе и народы Россіи, освобождающіеся отъ этого правительства. Теперь надо выдумать нечто болѣе свѣжее: или отдѣленіе Польши, но только въ границахъ этнографическихъ, или участіе этнографической же Польши во всероссійской федераціи, съ сохраненіемъ правъ, но безъ всякихъ привилегій для польской національной разновидности. Въ томъ и другомъ случаѣ Конгрессовка м. Вѣлѣпольскаго врядъ ли избѣжитъ непріятнаго г. Спасовичу «разчлененія».

Скажемъ въ заключеніе, что появленіе статьи г. Спасовича представляется намъ фактомъ пріятнымъ, не только потому, что она содержитъ въ себѣ систематическое изложеніе событій, надъ которыми поучительно подумать, но и потому, что она представляетъ собою значительный шагъ впередъ со сторо-

*) Исключеніе изъ милютинскаго закона 1864 г. противъ украинцевъ началось еще до гр. Толстого и основано было легально на каламбурѣ. По закону, народное образованіе должно было быть на языкѣ населенія. Но населеніе украинское за З. Бугомъ, какъ и въ Галиціи, зоветъ себя русины, — прилагатъ русскій; языкъ свой русскимъ, — прекрасно отличая себя отъ «москалей» и языкъ свой отъ «московскаго» языка, который въ Россіи официально зовутъ русскимъ. Вотъ почему, когда въ 1864 г. устроилась въ Люблинѣ дирекція училищъ и приступила къ исполненію милютинскаго закона о школахъ, то возникъ вопросъ: что разумѣть подъ словомъ русскій языкъ въ Холмскомъ краѣ? Изъ Петербурга отвѣтили: «учить на русскомъ, т. е. великорусскомъ языкѣ». Но все таки въ виду непониманія народомъ послѣдняго языка, непониманія, засвидѣтельствованнаго въ послѣднее время корреспонденціями даже въ московскофильскомъ галицкомъ «Словѣ», допустили въ этомъ краѣ, по крайней мѣрѣ мѣстное произношеніе словъ (свѣтъ — свѣтъ и т. п.) и употребленіе галицкихъ учебниковъ. При гр. Толстомъ (съ 1866 г.) началось «обрусеніе» по всей формѣ. Плодомъ его была реакція въ населеніи въ пользу полонизма.

ны извѣстныхъ словъ польскаго общества по части практической постановки польскаго вопроса въ Россіи. Еще девять лѣтъ тому назадъ съ восхваленіемъ системы м. Вѣлѣпольскаго и съ предложеніемъ «примиренія» поляковъ съ Россіей (?) выступали такіе писатели, какъ напр. авторъ брошюры «Polska i Rosyja w 1872 r., przez bylego członka Rady Stanu Królestwa Polskiego». (Dresden, 1872). Въ этой брошюрѣ полякъ предлагаетъ Россіи, за уступки, слѣдующее пособіе: «мы обьявимъ на каждомъ мѣстѣ смертельную войну подтачивающему ваше юношество нигилизму, — съ которымъ отлично справимся, потому что мы, такъ сказать, пронюхаемъ всякихъ сознательныхъ и безосознательныхъ послѣдователей этого ученія, тайносоціалистовъ и тайнонигилистовъ, этихъ лицемѣровъ, которые, проникнувъ даже въ официальные сферы, подъ видомъ ревности къ общественному порядку и престолу, подрываютъ начала перваго и основанія второго безумною или преступною рукою*).

Въ свое время мы имѣли случай критически отнестись къ подобнымъ «мировотворцамъ», на сколько позволила намъ цензура (въ Коршевскихъ СП. Вѣдомостяхъ). Г. же Спасовичъ выступилъ противъ нихъ съ статьею въ «Вѣстникѣ Европы» (1872, № 8) «Польскія фантазіи на славянофильскую тему». Въ этой статьѣ г. Спасовичъ отнесся далеко безъ симпатій къ «мертворожденнымъ дѣтенышамъ комбинаціи м. Вѣлѣпольскаго» и къ славянофильскимъ идеямъ автора брошюры, представляющимъ развитіе извѣстнаго «Lettre d'un gentilhomme polonais» маркиза, и съ своей стороны далъ полякамъ совѣтъ не совѣмъ ясный: «Богѣ положительный совѣтникъ, запретивъ своимъ землякамъ всякое политиканство, внушилъ бы имъ быть скромными труженниками въ государствѣ, среди котораго поставила ихъ судьба, не чуждаться русскихъ, чѣмъ между прочимъ провинились ихъ предшественники, состоять съ русскими въ живѣйшемъ общеніи умственномъ и экономическомъ, но сохранить, не сливаясь съ окружающею средою, и свое національное чувство, и свой языкъ».

Не лзя не признать этого совѣта не только неяснымъ, но и слишкомъ скромнымъ и въ тоже время слишкомъ исключительнымъ. Теперь, выступивъ прямо защитникомъ системы м. Вѣлѣпольскаго, — т. е. административной автономіи Конгрессовки, съ признаніемъ за нею польскаго національнаго характера, — г. Спасовичъ выступаетъ съ болѣе опредѣленною практическою программой. Удерживая вышеннеложенныя свои замѣчанія на эту программу, мы прибавимъ еще замѣчаніе о не-

*) Интересно, что этой, ужъ конечно вовсе не либеральной ноты, не замѣтили великорусскіе либеральные «мировотворцы», вроде проф. Градовскаго, которые пришли въ восторгъ отъ втораго изданія подобныхъ польскихъ примирительныхъ брошюръ въ 1877—1878 гг. и принались съ своей стороны улаживать миръ поляковъ все таки съ Россіей, какъ съ государствомъ великорусскимъ. Подъ «тайносоціалистами и тайнонигилистами» въ концѣ 1860-хъ годовъ разумѣлись въ извѣстныхъ польскихъ и русскихъ кругахъ Н. Милютинъ, кн. Черкасскій, Юр. Самаринъ и т. п. Это интересно теперь напомнить «Руси», г. П. Аксакова, который самъ теперь говоритъ языкомъ своихъ бывшихъ противниковъ. О tempora, о mores!

необходимости полякамъ не только не чуждаться русскихъ и быть съ ними въ общеніи умственномъ и экономическомъ, но припять участие въ общемъ политическомъ движеніи всѣхъ народовъ Россіи къ преобразованію ея на началахъ политической свободы, съ областнымъ и національнымъ самоуправленіемъ.

М. Драгомановъ.

„РУСЬ“ Г. АКСАКОВА О „ВОЛЬНОМЪ СЛОВѢ“.

«Вольное Слово» вообще, а статья «Историческая Польша и великорусская демократія» въ частности, удостоились рѣзкаго осужденія въ «Руси» г. И. Аксакова. Этого, конечно, и слѣдовало ожидать. Но чего можно было и не ожидать отъ изданія человѣка, имѣвшаго репутацію писателя по призванію, такъ это, во первыхъ, выходокъ личныхъ, въ родѣ обзыванія автора статей «Историч. Польш. и вел. демократія» «самозванымъ главою хлопманіи», (съ какихъ это поръ у г. Аксакова стало грѣхомъ быть «хлопоманомъ», т. е. горячимъ защитникомъ хлоповъ, мужиковъ?) а во вторыхъ, того приѣма, который допущенъ въ «Руси» противъ названной статьи. Приемъ этотъ состоитъ въ томъ, что рецензентъ вырываетъ отдѣльныя фразы изъ половинъ XIII главы этой статьи, и заявивъ, что онъ другихъ главъ не видѣлъ, вертитъ вырванные фразы, сообразно дѣламъ своего кружка, а иногда своей фантазіи. Чтобы сказать г. Аксакову, если бы кто либо поступилъ такъ съ одной изъ длинныхъ статей его изданія, — онъ, который и теперь жалуется на своихъ журнальныхъ противниковъ, которые-де «подвергаютъ его рѣчи превратнымъ истолкованіямъ», — и сѣтуетъ, что «слово въ наши дни какъ будто служитъ не къ уясненію, а къ большей путаницѣ понятій».

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ.

I.

ФРАНЦІЯ.

Стачка углекоповъ въ департаментѣ Gard. Стачки въ другихъ мѣстахъ. Участіе рабочей партіи въ послѣдней избирательной борьбѣ.

Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, въ области явленій борьбы труда съ капиталомъ во Франціи больше всего общественное мнѣніе поглощено стачкой углекоповъ въ Grand Combe (въ департаментѣ «Gard») — одномъ изъ богатѣйшихъ пунктовъ добычанія угля на югѣ Франціи. О барышахъ компаніи, обладающей этими угольными копями, можно судить потому, что акціи ея повысились съ своей первоначальной стоимости въ 500 франковъ до 2650. Эта громадная прибыль еще больше возбудила жадность капиталистовъ къ обогащенію на счетъ своихъ рабочихъ. Къ способамъ пониженія заработной платы относятся между прочимъ всевозможные штрафы и регулярное забрakovаніе^{1/10} части добываемого рабочими угля. Эта забрakovываемая часть продукта, извѣстная подъ названіемъ «Barjas» (камни, мусоръ и т. д.), въ дѣйствительности не превышаетъ

5—6^{1/10} продукта, и при томъ почти не пропадаетъ для компаніи. Она, во первыхъ, прямо смѣшиваетъ эти негодныя для топлива вещества съ углемъ, сбывая его такимъ образомъ потребителямъ, во вторыхъ, утилизируетъ ихъ и другими путями. Не смотря на это, компанія объявила рабочимъ, что впредь четвертая доля продукта (25%) будетъ считаться какъ «Barjas», или иначе говоря: на каждые четыре вагона угля рабочіе теряютъ заработную плату, соответствующую добычкѣ одного вагона. Рабочіе представили свои жалобы на несправедливость этой мѣры къ пониженію ихъ заработка; въ теченіе недѣли они напрасно ждали какого нибудь отвѣта отъ компаніи и, наконецъ, 14 декабря 4,000 углекоповъ оставили мастерскія, заявивъ рядъ требованій, изъ которыхъ приводимъ слѣдующія: 1) сокращеніе рабочаго времени до 8 часовъ въ сутки для работающих въ шахтахъ и до 10 для работающих на поверхности земли; 2) предоставленіе въ руки рабочихъ управленія вспомогательной кассой (для больныхъ и т. д.) посредствомъ выбора ими изъ своей среды членовъ администраціи тайной подачей голосовъ; 3) выдача имъ задѣльной платы деньгами, а не натурой — предметами потребленія изъ магазиновъ компаніи; 4) продукты причисляются къ «barjas» только въ томъ случаѣ, если въ нихъ содержится камней и т. п. свыше ^{1/10} части угля. Осмотръ вагоновъ долженъ производиться выборнымъ отъ рабочихъ.

Эти требованія наглядно характеризуютъ, въ какой кабалѣ держатъ у себя рабочихъ ассоціаціи капиталистовъ — углекоповъ въ Grand Comble. Замѣтимъ кстати, что чистый доходъ послѣднихъ отъ своихъ складовъ и лавокъ съ предметами потребленія для рабочихъ достигаетъ цифры 350,000 фр. въ годъ.

Не смотря на совершенное спокойствіе среди стачечниковъ, правительство послало двѣ бригады жандармовъ и 300 солдатъ для охраненія «свободы труда». У всѣхъ проходовъ, ведущихъ къ «владѣніямъ» компаніи расположены пикеты солдатъ. Когда увѣщанія поповъ и монаховъ не подѣйствовало, арестованы были нѣсколько десятковъ стачечниковъ. Арестованные оставались въ подвалѣ 20 часовъ безъ всякой пищи и безъ соломы и какихъ нибудь приспособленій для сна. Между ними находился одинъ стачечникъ, получившій ушибъ, вслѣдствіе паденія во время шествія подъ конвоемъ въ темную ночь къ мѣсту заключенія. Подъ вліяніемъ поднятой въ обществѣ и газетахъ агитаціи, 30 заключенныхъ отпущены послѣ допроса. Тѣмъ не менѣе, въ подвалахъ меріи Grand Comble сидятъ еще 12 человѣкъ» — сообщаетъ корреспондентъ газеты «Justice» (21 дек.)

Всѣ эти мѣры правительства вмѣстѣ съ крайней умѣренностію требованій стачечниковъ привлекли на сторону послѣднихъ сочувствіе не только рабочихъ всей Франціи, но и значительной части радикальной буржуазіи. Повсюду организовано собраніе взносовъ въ пользу стачечниковъ. Два радикальныхъ депутата отправились къ Гамбеттѣ съ дѣлюю требовать возвращенія войска изъ Grand Comble; но онъ не принялъ этихъ депутатовъ. По этому поводу радикальныя газеты воспроизводятъ блестящую рѣчь Гам-

бетты, произнесенную въ парламентѣ 12 лѣтъ тому назадъ, въ которой онъ протестовалъ противъ послѣдн. войска въ Крезе, гдѣ тогда была стачка. «Justice», напечатавъ извлеченіе изъ этой рѣчи, спрашиваетъ въ заключеніе: А имъ этого оратора? Г. Гамбетта — извѣстно отвѣчаетъ она.

Многочисленная толпа женщинъ прошлась въ Пизѣ (въ Grand Comble) по улицамъ, неся трехцвѣтное знамя съ пѣніемъ марсельезы, прерываемымъ криками: да здравствуетъ республика! да здравствуетъ стачка!

Не смотря на моральную и нравственную поддержку, получаемую стачечниками изъ всѣхъ крупныхъ центровъ Франціи, дѣлая система устрашеній со стороны правительственныхъ агентовъ въ связи съ страшной зависимостью рабочаго населенія въ Grand Comble отъ компаніи, уже въ силу сосредоточенія въ однихъ рукахъ торговли предметами потребленія*), значительная часть стачечниковъ уже покорилась безусловно своимъ господамъ-работодателямъ. 28 декабря всего одна тысяча, по словамъ «Justice», еще продолжала отстаивать свои требованія. Раздраженіе во всякомъ случаѣ очень сильно между рабочими, чему, конечно, особенно содѣйствуетъ обращеніе агентовъ компаніи съ изъявившими покорность рабочими: такъ ихъ допрашиваютъ относительно роли въ стачкѣ, не подстрекалъ ли ихъ къ ней тотъ или другой изъ рабочихъ, кто инициаторы стачки и т. д. Затѣмъ ихъ посылаютъ къ католическому и протестантскому попамъ просить прощенія за свистки и дурной приемъ, встрѣченный ими у стачечниковъ, когда они явились увѣщевать ихъ. Наконецъ, составленъ списокъ именъ нѣсколькихъ сотъ лицъ стачечниковъ, которыхъ рѣшено ни за что не принимать на работу. Въ ту минуту, когда я пишу эти строки, окончательный результатъ стачки еще неизвѣстенъ; но едва ли можно сомнѣваться, что она окончится пораженіемъ рабочихъ.

Изъ множества другихъ стачекъ, совершающихся теперь во Франціи, упомянемъ только еще о стачкѣ столяровъ въ Базерѣ, продолжающейся уже четыре мѣсяца, какъ особенно характерной для отношенія хозяевъ къ рабочимъ. Рабочіе выработали тарифъ, предоставленный обсужденію смѣшанной коммисіи изъ 18 человѣкъ, избранной на половину рабочими и на половину хозяевами. Но, не умѣя сбить съ толку рабочихъ делегатовъ, хозяева прямо исключили ихъ изъ коммисіи, что привело къ окончательному разрыву съ послѣдними, а затѣмъ къ ихъ стачкѣ. Если принять во вниманіе, что подобные и еще худшаго рода факты — очень обыкновенное явленіе въ столкновеніи труда и капитала, то станетъ понятнѣе отвращеніе передовыхъ элементовъ французскаго пролетаріата отъ обращенія къ покровительству и поддержкѣ даже радикальныхъ элементовъ буржуазіи. Такъ недавно собраніе «соціал-ческой федераціи плотниковъ» въ Парижѣ

*) Сочувствіе стачечникамъ со стороны нѣкоторыхъ элементовъ буржуазіи едва ли больше всего не объясняется неприязнью къ компаніи за сосредоточеніе въ ея рукахъ торговли предметами потребленія, лишая такимъ образомъ лавочниковъ и т. п. значительнаго дохода.